

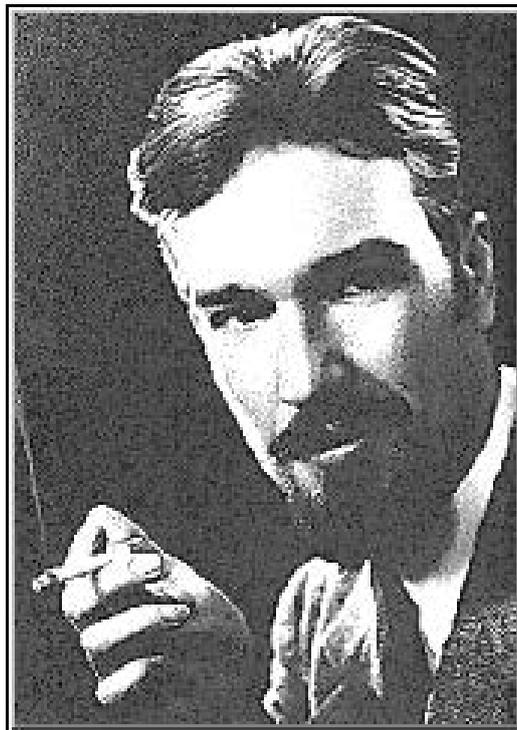
Ревило Оливер

Шпенглер: критика и дань уважения

Оригинал: Revilo Oliver. Spengler: Criticism & Tribute

Источник: <https://counter-currents.com/2010/08/spengler-criticism-and-tribute/>

Впервые опубликовано в 1963 году. Перевод с английского, 2022 г. На русском языке публикуется впервые!

Ревило Оливер в 1938 году

Авторитетный труд Освальда Шпенглера «Закат Европы» (*Der Untergang des Abendlandes*, Мюнхен, 1918) был задуман автором еще перед Первой мировой войной. Прочитанная в нашей стране главным образом в блестяще точном переводе Чарльза Фрэнсиса Аткинсона *The Decline of the West* (Нью-Йорк, два тома, 1926–1928 гг.), шпенглеровская морфология истории была великим интеллектуальным достижением нашего века. Каково бы ни было наше мнение о его методах или выводах, мы не можем отрицать, что Шпенглер был Коперником историографии. Все последующие сочинения по философии истории можно справедливо охарактеризовать как критику «Заката Европы».

Шпенглер, сформулировав всеобщую историю, предпринял анализ сил, действующих в непосредственно современном мире. Это он изложил в блестящем труде [«Годы решений»](#) (*Die Jahre der Entscheidung*), только первый том которого удалось издать в Германии (Мюнхен, 1933) и перевести на английский язык (*The Hour of Decision*, Нью-Йорк, 1934). Стоит только прочесть эту блестящую работу, с ее ясным анализом сил, которые даже проницательные наблюдатели заметили только 25 или 30 лет спустя, и с ее предвидением того, что последующие события абсолютно подтвердили, чтобы признать, что ее автор был одним из великих политических и философских умов Запада. Однако следует помнить, что поразительная точность его анализа современной ситуации не обязательно доказывает правильность его исторической морфологии.

Публикация первого тома Шпенглера в 1918 году вызвала волну споров, которая продолжается и по сей день. Манфред Шрётер в «Споре о Шпенглере» (*Der Streit um Spengler*, Мюнхен, 1922) смог кратко изложить критические замечания, появившиеся чуть более чем за три года; сегодня на составление только одной полной библиографии, ушли бы годы, и, вероятно, она составила бы восемьсот или тысячу печатных страниц.

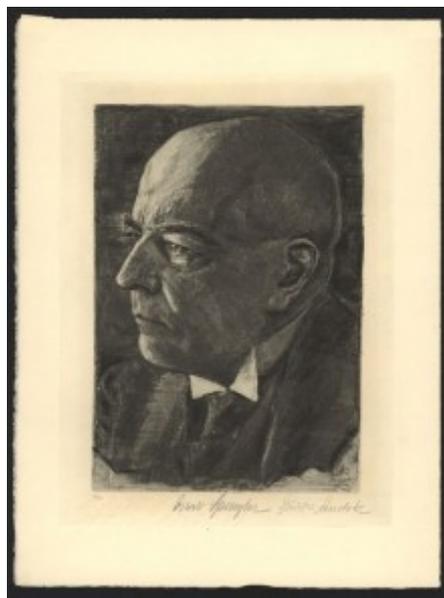
Шпенглер, естественно, взбудоражил толпы невежд, которых особенно разозлило его аморальное и нелепое предположение о возможности новой войны в Европе, когда все знали, что после 1918 года ничего, кроме мира во всем мире, просто не может быть, потому что Санта-Клаус только что привез красивую, новую, блестящую «Лигу Наций». Такие «либеральные» болтуны всегда поднимают шум, но никто, хоть немного знающий историю человечества, не обращает на них никакого внимания, кроме как на симптомы.

К сожалению, гораздо более осмысленная критика Шпенглера была мотивирована эмоциональным недовольством его выводами. В статье в журнале *Antiquity* за 1927 год ученый Робин Джордж Коллингвуд из Оксфорда дошел до того, что заявил, что два тома Шпенглера не дали ему «ни одной подлинно новой идеи» и что он «давным-давно обдумал для себя» – и, разумеется, отверг даже подробные шпенглеровские анализы отдельных культур. Достаточно беглого взгляда на работы Шпенглера, чтобы показать, что это утверждение менее правдоподобно, чем заявление о знании всего, что содержится в двенадцатом издании Британской энциклопедии. Коллингвуд, автор *Speculum Mentis* и других философских работ, должно быть, был охвачен настолько сильным эмоциональным негодованием, что не мог понять, насколько тщеславным, высокомерным и невероятным его хвастовство показалось бы большинству читателей.

Сейчас стало трюизмом, что «пессимизм» и «фатализм» Шпенглера были невыносимым потрясением для умов, взращенных в девятнадцатом веке иллюзией, что с ходом времени все постоянно и всегда будет становиться все лучше и лучше. Шпенглеровская циклическая интерпретация истории гласила, что

цивилизация – это организм, имеющий определенную и фиксированную продолжительность жизни и движущийся от младенчества к старению и смерти в силу внутренней необходимости, сравнимой с биологической необходимостью, определяющей развитие человеческого организма от младенческой глупости к старческой дряхлости. Наполеон, например, был аналогом Александра в античном мире.

Таким образом, мы сейчас находимся в той фазе цивилизационной жизни, когда конституционные формы вытесняются престижем личности. К 2000 году мы будем «современниками» Рима Суллы, Египта восемнадцатой династии и Китая в то время, когда «враждующие царства» были объединены в империю. Это означает, что мы сталкиваемся с эпохой мировых войн и, что еще хуже, гражданских войн и проскрипций, и что примерно в 2060 году Запад (если он не будет уничтожен его чужеземными врагами) будет объединен под личным правлением Цезаря или Августа. Это не очень приятная перспектива.

Освальд Шпенглер (1880–1936)

Однако единственный вопрос, стоящий перед нами, заключается в том, прав ли Шпенглер в своем анализе. Рациональные люди сочтут несущественным тот факт, что его выводы непривлекательны. Если врач сообщает вам, что у вас есть симптомы атеросклероза, он может быть прав, а может и нет в своем диагнозе, но совершенно точно, что вы не сможете омолодить себя, дав ему пощечину.

Каждый сторонний наблюдатель нашего времени, я думаю, согласится с тем, что «пессимизм» Шпенглера вызывал эмоции, исключая рациональное рассмотрение. Я склонен полагать, что нравственный уровень его мышления был большим препятствием. Его «фатализм» не был тем утешением, которое

позволяет людям опускать руки и избегать ответственности. Рассмотрим, например, заключительные строки его книги «Человек и техника» (Нью-Йорк, 1932):

Опасность настолько возросла – для каждого индивида, слоя, народа, – что, самообман был бы жалким делом. Время неудержимо, обратного пути нет, как нет и мудрого отречения. Лишь мечтатели верят в наличие выхода. Оптимизм является трусостью. Мы рождены в это время и должны смело пройти до конца предназначенный нам путь. Другого нет. Терпеливо и без надежды стоять на проигранных позициях – таков наш долг. Стоять, как тот римский солдат, чьи кости нашли перед воротами Помпеи, погибшего, потому что ему забыли отдать приказ об отходе во время извержения Везувия. Вот величие, вот что значит быть человеком расы. Этот полный чести конец есть единственное, чего нельзя отнять у человека.

И вот, независимо от того, верен ли суровый прогноз, лежащий в основе этого вывода, ни один человек, способный жить в настоящем, не может читать эти строки, не чувствуя, как его сердце воодушевляется великим духом благородной культуры – духовной силой Запада, которая может знать трагедию и не бояться. И одновременно это заявление напугает до истерики никчемных гомункулов среди нас, хнычущих трусов, которые надеются только на то, чтобы поспешить скрыться в безопасной тьме и жиреть за счет упадка культуры, бесконечно превосходящей их понимание. Этот контраст сам по себе является очень важной данностью для оценки нынешнего состояния нашей цивилизации...

Три пункта критики

Следовательно, критика Шпенглера, чтобы не выглядеть простым спором о деталях, должна рассматривать основные предпосылки. И, насколько я понимаю, тезис Шпенглера можно оспорить по трем действительно фундаментальным пунктам, а именно:

(1) Шпенглер рассматривает каждую цивилизацию как замкнутую и изолированную сущность, одушевленную господствующей идеей, или *Weltanschauung*, мировоззрением, то есть ее «душой». Почему идеи или понятия, неосязаемые творения человеческого разума, должны были бы претерпевать органическую эволюцию, как если бы они были живой протоплазмой, которая, как материальная субстанция, по понятным причинам подвержена химическим изменениям и, следовательно, биологическим законам? Это логическое возражение не является окончательным: люди могут, например, наблюдать за приливами и даже предсказывать их, не будучи в состоянии объяснить, чем они вызваны. Но когда мы должны выводить исторические законы из четырех или пяти цивилизаций, о которых у нас есть довольно точные знания, у нас недостаточно

повторений какого-то явления, чтобы с уверенностью вычислить его периодичность, если мы не знаем, почему оно происходит.

(2) Гораздо более серьезное затруднение вытекает из уже упомянутого нами исторического факта. По крайней мере, в течение пяти столетий люди Запада считали современную цивилизацию возрождением или продолжением греко-римской античности. Шпенглер, как основу своей гипотезы, рассматривает античный мир как цивилизацию, отличную от нашей и чуждую ей, – цивилизацию, которая, как и египетская, жила, умерла и ныне ушла. В ней господствовало совершенно иное мировоззрение, и, следовательно, образованные люди Европы и Америки, в течение пяти столетий верившие в преемственность, просто страдали иллюзией или галлюцинацией.

Но даже если допустить это, мы все равно сталкиваемся с уникальным историческим явлением. Египетская, вавилонская, китайская, индийская и арабская (цивилизация «магов») цивилизации все рассматриваются Шпенглером (и другими сторонниками органической структуры культуры) как одиночные, обособленные и не связанные между собой организмы: каждая возникла, не производя своих концепций и идей из другой цивилизации (или, наоборот, видя в памятниках прошлого более ранней цивилизации свои собственные концепции и идеи), и каждая из них умерла, не оставив потомства (или, иначе, ни одна последующая цивилизация не подумала увидеть в них свои собственные концепции). Просто не существует параллели или прецедента взаимоотношений (реальных или воображаемых), связывающих греко-римскую культуру с нашей.

С тех пор как Шпенглер писал свои труды, одно великое историческое открытие еще больше усложнило данный вопрос. Теперь мы знаем, что микенцы были греками, и практически не вызывает сомнений, что основы их культуры пережили распад, вызванный дорийским вторжением, и легли в основу более поздней греческой культуры. (Хорошее резюме см. в книге Леонарда Палмера *Микенцы и минойцы*; Leonard R. Palmer, *Mycenaeans and Minoans*, Лондон, 1961). Таким образом, у нас есть последовательность, которая, насколько нам известно, уникальна:

Микенская эпоха -> Темные века -> Греко-римская эпоха ->
Темные века -> Новое время.

Если это одна цивилизация, то ее творческая продолжительность жизни намного больше, чем у любой другой, появившейся до сих пор в мире. Если же их больше одной, то взаимосвязи составляют исключение из общего закона Шпенглера и предполагают возможность того, что цивилизация, если она умирает в результате какого-то квазибиологического процесса, может в некоторых случаях обладать квазибиологической способностью к воспроизводству.

Исключение становится еще более примечательным, если мы, в отличие от Шпенглера, считаем принципиально важным понятие самоуправления, которое могло иметь место еще в микенское время (см. Леонард Р. Палмер, *Микенцы и минойцы*, цит. выше, стр. 97). Демократии и конституционные республики есть только в греко-римском мире и в нашем собственном; такие институты, похоже, были непостижимы для других культур.

3) По существу, Шпенглер игнорирует наследственные и расовые различия. Он даже использует слово «раса» для обозначения качественного различия между членами того, что мы должны назвать одной и той же расой, и отрицает, что это различие в какой-либо значительной степени обусловлено наследственностью. Он считает биологические расы пластичными и изменчивыми, даже по своим физическим характеристикам, под влиянием географических факторов (включая почву, которая, как говорят, влияет на физический организм через пищу) и того, что Шпенглер называет «таинственной космической силой», которая не имеет ничего общего с биологией. Единственным реальным единством является культурное, то есть фундаментальные идеи и верования, разделяемые народами, образующими какую-либо цивилизацию. Таким образом, Шпенглер, считающий эти идеи обусловленными квазибиологическим ростом и угасанием, странным образом отвергает как незначительные открытия биологической науки о живых организмах.

Конечно, это верно, что человек отчасти есть духовное существо. В этом не нужно убеждать людей, имеющих религиозную веру. Другие, если только они не полны решимости слепо отрицать имеющиеся у нас доказательства, должны признать существование явлений, подобных описанным Францем Э. Винклером, доктором медицины, в книге *Человек: мост между двумя мирами* (Franz E. Winkler, *Man: The Bridge Between Two Worlds*, Нью-Йорк, Harper, 1960) и, конечно, многими другими писателями. И каждый историк знает, что ни одна из высших культур не могла бы возникнуть, если бы люди были просто животными.

Но также верно и то, что наука генетика, основанная отцом Менделем всего столетие назад и почти полностью забытая вплоть до первых лет двадцатого века, установила биологические законы, которые можно отрицать, только отрицая реальность физического мира. Всякий образованный человек знает, что цвет глаз человека, форма мочек ушей и все другие его физиологические особенности определяются наследственными факторами. Практически доказано, что интеллектуальные способности также передаются по наследству, и имеется немало свидетельств, указывающих на то, что даже моральные качества также являются врожденными.

Способность человека вмешиваться в развитие унаследованных качеств представляется не давшей совершенно никаких положительных результатов, что

является еще одним печальным доказательством того, что человеческая изобретательность может легко разрушить то, что она никогда не сможет создать. Любой дурак с ножом может за три минуты сделать самую красивую женщину безобразной навсегда, а один из наших «экспертов по психическому здоровью» даже без ножа может так же быстро и навсегда уничтожить самый прекрасный интеллект. И оказывается, что менее радикальные вмешательства посредством образования и другого контроля над окружающей обстановкой могут временно или даже навсегда извратить и деформировать, но бессильны создать способности, которые индивидум не унаследовал от близких или более отдаленных предков.

Эти факты не вызывают сомнений, хотя тайная полиция в Советской России и брызжущие слюной «либеральные» группировки в Соединенных Штатах в значительной степени преуспели в сокрытии этих фактов от широкой публики в районах, которые они контролировали. Но никакой терроризм не может изменить законы природы. Удобочитаемое изложение генетики см. в книге Гаррета Хардина *Природа и судьба человека* (Garrett Hardin, *Nature and Man's Fate*, Нью-Йорк, Rinehart, 1959), к которой следует лишь добавить оговорку о том, что законы генетики, как и законы химии, проверяются наблюдением каждый день, в то время как учение о биологической эволюции неизбежно является гипотезой, которую нельзя проверить экспериментально.

Расовый фактор

Также не подлежит сомнению, что человеческие расы сильно различаются по внешнему виду, по восприимчивости к определенным заболеваниям и по средним интеллектуальным способностям. Есть сведения, что они различаются также по нервной организации и, возможно, по нравственным инстинктам. Было бы чудом, если бы это было не так, ибо, как хорошо известно, три первичные расы были различны и обособлены в то время, когда разумные люди впервые появились на этой планете, и остаются таковыми до сих пор. Различия эти настолько явно выражены и устойчивы, что сторонники биологической эволюции находят все более и более необходимым постулировать, что эти различия восходят к видам, предшествовавшим появлению *homo sapiens*, человека разумного. (См. новое и исправленное издание «Истории человека» доктора Карлтона С. Куна; Dr. Carleton S. Coon, *The Story of Man*, Нью-Йорк, Knopf, 1962.)

То, что такие различия существуют, несомненно, прискорбно. Конечно, прискорбно, что все люди должны умереть, и есть люди, считающие прискорбными различия, как анатомические, так и духовные, между мужчинами и женщинами. Однако никакая согласованная ложь «либералов» и никакие декреты банды Уоррена [Верховного суда] ни в малейшей степени не изменят законы природы.

Мы и сейчас многого не знаем о генетике, как индивидуальной, так и расовой, и эти неопределенности позволяют сильно различаться в оценках относительной важности биологически детерминированных факторов и культурных концепций в развитии цивилизации. Наше единственное замечание состоит в том, что крайне маловероятно, чтобы биологические факторы вообще не влияли на происхождение и развитие цивилизаций. И в той мере, в какой они оказывают влияние, теория Шпенглера ущербна и, вероятно, вводит в заблуждение.

Глубокое понимание

К трем возражениям, изложенным выше, можно было бы добавить несколько мелких моментов, но и их достаточно, чтобы показать, что шпенглеровская историономия не может быть принята как однозначная аксиома. Однако это великая философская формулировка, которая ставит вопросы первостепенной важности и углубляет наше понимание исторической причинно-следственной связи. Ни одному исследователю истории не требовалось, чтобы Шпенглер сказал ему, что упадок религиозной веры обязательно ослабляет моральные узы, которые делают возможным цивилизованное общество. Но указание Шпенглера на то, что такой упадок, по-видимому, происходил в определенный момент развития ряда принципиально различных цивилизаций с, разумеется, радикально различными религиями, дает нам данные, которые мы должны принять во внимание, когда пытаемся установить истинные причины упадка. Не менее важно и его другое наблюдение о том, что за таким упадком в конце концов следовало стремительное возрождение религиозной веры.

Как бы он ни ошибался в некоторых вещах, Шпенглер дал нам глубокое понимание природы нашей собственной культуры. Если бы не он, мы могли бы продолжать верить, что наша великая технология – это просто вопрос экономики – попытки сделать больше вещей и подешевле. Но он показал нам, я думаю, что наша технология имеет более глубокое значение, что для нас, людей западной цивилизации, она отвечает определенной духовной потребности, присущей нам, и что мы извлекаем из ее триумфов удовлетворение, аналогичное тому, которое происходит от великой музыки или великого искусства.

И прежде всего Шпенглер заставил нас вникнуть в природу цивилизации и задаться вопросом, какими средствами – если это вообще возможно – мы можем восстановить и сохранить те длинные и узкие дамбы, которые одни лишь защищают нас от обширного и бурного океана вечного варварства. За это мы всегда должны чтить его.